

Шамба Балинов.

Случайный разговор.

Поезд Прага—Париж остановился на пограничной чешской станции Хеб. Я уже третий раз выезжаю из Чехословакии, где прожил 8 лет, во Францию и каждый раз, при переезде через границу, становится как то грустно, как будто выезжаешь из своей родной стороны на чужбину далекую.

Последний раз покупаю себе знаменитые чешские теплые парки и кружку пilsенского пива. Мальчик-разносчик пива — не понимает (или не хочет понимать) по чешски, а я не знаю по-немецки. Объясняемся при помощи жестыкуляции. Чехи, ехавшие со мною в вагоне, выражают свое возмущение и мальчик быстро ретируется.

Поезд мчится уже по немецкой территории. Я забиваюсь в угол купе, углубляюсь в чтение.

Станция Нюрнберг. В купе входит новый пассажир. Прилично одетый, интеллигентного вида молодой человек, в золотых очках. С любопытством смотрит на меня и затем, через некоторое время, увидав в моих руках русскую книгу, спрашивает:

— Вы — русский?

— Калмык.

— Ну да, русский калмык?

— Калмык из б. России, — отвечаю, улыбаясь.

Он делает немного удивленное лицо.

— С какого вы места?

— С Дона.

— Значит казаков наших хорошо знаете?

— Не только знаю, но я сам донской казак.

Разговор обрывается. Собеседник мой вынимает из кармана немецкую газету и читает. Наконец, газета просмотрена. Он снова обращается ко мне.

— Разрешите поинтересоваться вашей книгой?

— Пожалуйста. Даю ему книгу, какую читал. Он раскрывает и читает: Отто Бауэр — Национальный вопрос.

— Гм, вы читаете эту книгу и... понимаете?

— Раз читаю, очевидно, понимаю, — отвечаю спокойно, хотя в душе поднимается раздражение. Заметьте, что я в его мнении несколько поднялся, не дикарь, мол...

Собеседник мой начинает разговор о „политике“. Рассказывает долго и хорошо об ужасах, творимых большевиками в СССР, об их зверствах, о расстрелах, ссылках, о страшном голоде и страданиях населения. Говорит интересные вещи; очевидно, человек следит хорошо за литературой, наблюдает за советской жизнью. Я во всем с ним соглашаюсь и охотно поддакиваю.

Постепенно переходит на тему о русской демократии, о ее борьбе с большевизмом. Начинает рисовать картину будущего, когда большевизм падет и воскреснет из мертвых Великая, Свободная Россия, где Казачество, если будет вести себя разумно, получит от русской демократической власти некоторые права на местное самоуправление.

Его самоуверенный тон, его барская замашка „пожаловать“ казакам некоторые права (и то условно!) меня, наконец, озлобляют и я грубо отвечаю:

— То, что вы с таким пафосом говорите о будущей России, напоминает мне того мужика из басни, который рисовал себе яркую картину своего будущего богатства, которое к нему придет, когда он убьет зайца, продает его шкуру и т. д. Ведь ваши слова, говоря, это — рассуждение человека, далекого от реальной жизни, находящегося во власти книжной теории, доктрины. Бывают люди, занятие которых ревниво заботиться о сохранении в чистоте своей партийной ризы, мыслящие по „ученой книге“, если бы даже они шли в разрез с реальной жизнью. Такие люди способны все сложные вопросы жизни легко разрешать „в уме“ и эти свои решения аккуратно разложить по партийным полкам. Но часто эти люди в моменты великих потрясений ступеваются, предсудомительно предоставив тяжесть жизненных катаклизмов другим с тем, чтобы потом, после прошедшей грозы, вылезти снова из тиши своих кабинетов для „изучения“ ошибок дей-

ствовавших людей, для обвинения их, для высокомерного их поучения...

— Пойдите, пойдите, что вы расходились! За что же вы обиделись? Вы — казак, но не думаю, чтобы вы были из числа тех рехнувшихся... самостийников казачьих. Ведь в том, что я говорил о будущем положении Казачества в будущей России, ничего обидного для казаков нет. И среди самой казачьей эмиграции, кажется, существует политическое течение с лозунгом — Свободное Казачество в Свободной России...

— Я и не собирался обижаться, но мне досадно, что вы с таким увлечением и серьезным видом говорите о двойном будущем: о будущем Казачества в будущей России. К тому же, вы ошиблись: я именно из числа „рехнувшихся“, как вы изволили выразиться, я — казачий самостийник и, разрешите, вернуть Вам ваш не по адресу направленный эпитет. Что же касается того политического казачьего „течения“, о котором вы упомянули, то оно состоит из 2-3-х лиц, на старости лет с душевной мукой тянущих ляжку партийного хомута, давно уже лишенных своего собственного мнения, а только повторяющих то, что прикажут им по партийной линии. Это люди, добровольно отворачивающиеся от реальной жизни, но легко разрешающие все вопросы будущего...

— Не доказательно, но самоуверенно... Скажите — все ли самостийники такие самоуверенные, как Вы?

— А скажите — все ли русские демократы такие... болтуны, как Вы?

— Тише на поворотах!

— Ничего!

Входит бравый немецкий кондуктор. Проверка билетов. Собеседник мой вступает с ним в беседу. Указывая на меня, говорит „казак“. Тот благодушно улыбается, что то говорит. Оказалось, что и он кое-что знает о казаках из „литературы“, слышал о казаках-разбойниках, о страшной казачьей пике...

— Это вы, русские, за нас, казаков, постарались, чтобы о нас в Европе составили взгляд, как о людоедах...

— Положим, не мы одни, в этом отношении больше нас постаралось русское царское правительство.

— Тем хуже.

— Вот где довелось встретиться с казачьим самостийником! Самостийность... Откуда она взялась? Откуда эти народы взялись? Народ казачий? Уму не постижимо! Что породило это зло?

— Не играйте в невинность! Самостийникам помогают сами русские. На то, как они это делали, очень мягко указывал еще Н. И. Костомаров. Вот прочтите отмеченное карандашом место.

Даю ему украинский исторический сборник „За столет“, книга четвертая, 1929, где напечатано письмо Костомарова А. С. Суворину.

Читает:

„Я думал: имея в виду соединение и обновление славянского мира, надобно достигнуть того, чтобы русскому обществу внушить любовь к свободе, да уважение к другим национальностям и народным разновидностям, а также истинную веротерпимость. Ни того, ни другого у нас нет. У нас хотят, чтобы всякий, кто наш, непременно во всем был похож на нас“.

— Это очень мягко сказано. Русские не только хотели, чтобы все другие походили на них, но чтобы все другие отказались от своего и беспрекословно подчинялись им.

— Но это ведь больше относится к старому, рехнувшему царскому режиму, чего теперь нет...

— За то есть еще худший красный деспотический режим...

— Это — временный режим, осужденный всем ходом истории на неизбежную смерть. На его смену придет власть демократии, которая все время боролась со старым режимом и является верной защитницей спра-

ведливых интересов народов. Самостийники должны это знать и быть вместе с демократией во имя лучшего будущего своих народов...

— Покорно благодарим. Мы верим, что когда истинные русские демократы придут к власти в России, то они пойдут до известной меры навстречу требованиям некоторых народов, но только не Казачества. Ведь для русской демократии Казачество — не народ, а сословие, при том самое злое, военное, подлежащее немедленному уничтожению. Ведь демократы принципиально должны были уничтожить Казачество, но только в силу своей мягкотелости неспособны были сделать это. Но за то за них теперь работают большевики, беспощадно физически уничтожая казаков... Такую позицию в отношении казаков русские демократы заняли в силу своей „книжной демократичности“, ибо казаки, никогда не знавшие рабства, деспотии, являются самыми подлинными демократами, демократами не от книги, а от жизни...

— Не собираетесь ли прочитать мне проповедь о казачьем демократизме?

— Напрасный был бы труд. Я только хочу указать на беспочвенность, нежизненность вашей демократической теории в применении к условиям русской жизни.

— Но в чем заключаются реальность, жизненность вашей самостийной теории?

— Давайте сначала о нереальности вашей теории. Ваш лозунг — демократическая Россия. Но, на пути к этой России стоит такое препятствие, как советская власть, опирающаяся на миллионную армию фанатичных членов коммунистической партии, беспощадно вырезающая всех ваших демократов. Без свержения этой власти все ваши слова будут пустым звуком. Следовательно, вашей первейшей целью должна быть борьба и свержение этой власти. Но вот как раз тут у вас пустое место: у вас нет идеи, более привлекательной для народной массы, чем лозунги большевиков. У вас нет живой силы для действительной борьбы с большевиками. Вы не ведете этой борьбы и не можете вести. Вы не только не ведете с этой властью борьбы, но зачастую оказываете ей помощь, дискредитируя и понося те реальные силы, которые способны вести активную борьбу, всячески „смазывая“ ту идею, которая одна способна поддерживать и воодушевлять эту борьбу, т. е. самостийников и идею самоопределения народов. Кроме идеи самоопределения народов, нет идеи, которую с успехом можно противопоставить коммунистической идее. В области словесной борьбы вам с большевиками не конкурировать, а реальной силы у вас нет. Лозунгом „демократия“ русского мужика не тронешь, ибо он для него, что евангелие для сазана; лозунгом „Великая Россия“ русского рабочего не соблазнишь, ибо она, кроме горя и страдания, этому рабочему исторически ничего не дала. А горсточка русской интеллигенции, жившая идеей демократии и Великой России, к несчастью, беспощадно вырезывается русскими же людьми. У вас нет под ногами почвы, нет живой силы...

— Какая категоричность и самоуверенность! Обычно такой „болезнью“ страдают недоучки...

— Не обидите! В противоположность вашей книжной теории, самостийное движение основано на реальной почве, подпирается живой активной силой, воодушевляется сильной идеей, способной смело выдерживать противопоставление коммунистической идее. Конечно, ничто не мешает народам, в том числе и Казачеству, сидеть сложа руки и ждать московского барина, ждать того момента, когда русские демократы доберутся до власти в России и заблагорассудят признать законные права народов. Но этого пришлось бы слишком долго

ждать, во-первых, а во-вторых, — это позиция позорная. Поэтому народы сами интенсивно работают над развитием своего чувства национальности, добиваются своей самостоятельности. В такой независимой жизни они видят высшее благо для своих народов. Но этим самым народы работают и на вашу пользу, на пользу русских демократов, ибо освобождение этих народов от власти большевиков само по себе будет означать начало смерти большевизма...

— Покорно благодарю! Ценою расчленения моей Великой Родины добиваться освобождения я не буду. Лучше пусть уж будут большевики, которые все же возвышают русское имя...

— Вот это как раз и является основным вашим, русских, пороком. У вас действительно „особая статья“. То большевики преступники, предатели России, то — возвышатели русского имени; то свобода человеческой личности, свобода народам, то грозный окрик на них: не смейте добиваться независимости. Это только свидетельствует о неискренности вашей проповеди о братских славянских народах, объединенном Славянстве. Вам нужно не объединение свободных, сильных и равноправных славянских народов. Вам нужна Великая Россия и заискивающие перед нею, зависимые от нее бедные родственники. Очевидно, имея в виду именно это русское стремление, такой противник самостийного движения народов б. России, как известный чешский общественно-политический деятель Карел Крамарж говорит: „славянин не смеет угнетать другого славянина. Каждый славянский народ должен быть сильным, свободным и вполне самостоятельным в своем доме“...

— С вами говорить почти невозможно. У вас мало логики и знания предмета, но за то запальчивости и раздражения хоть отбавляй. Поэтому, возражать вам не буду, очевидно, что это совершенно бесполезно. Но, скажу только одно: если Крамарж говорит о праве славянского народа быть самостоятельным в своем доме, то он говорит это о народе, а не о Казачестве. Последнее никогда не было народом и не будет. Только преступники и ушибленные люди могут об этом говорить...

— Оно вашего мнения не спрашивает и не будет спрашивать. Его судьба может быть двоякая: или большевики еще настолько долго просуществуют и, выполняя ваше, русских, тайное желание, успеют физически уничтожить казаков; или же Казачество найдет в себе силы своевременно освободиться от власти красной Москвы, установит свою независимость, заживет свободной, равноправной с другими славянскими народами государственной жизнью. Тогда зовите нас, как вам будет угодно: народом-ли, сословием-ли, или бытовой группой. Осуществить эту казачью независимость постараются самостийники.

— А мы попытаемся осуществить первую, а всех самостийников попытаемся повесить на фонарных столбах...

— Если кому будет вешать!

Разговор принял неприятный оборот и сидеть в одном купе стало довольно неудобным. Но, кстати, поезд подошел к пограничной станции — Кель. В вагон вошли французы проверять паспорта. Еще более кстати у моего дорожного „приятеля“ паспорт оказался не в порядке. Человек семь лет прожил во Франции и, уезжая на время за границу, не догадался запастись обратной визой.

Полиция его ссадила с поезда и увела с собою.

Так скоро сказалась его далекость от реальной жизни.

Редакция просит всех своих сотрудников и корреспондентов писать разборчиво и по новой орфографии.
